

Федеральное агентство научных организаций
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

*Материалы к научным конференциям.
Выпуск 40*

И.Л. Жеребцов

**ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО
НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ
РОССИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ**

*Материалы к Международной научной конференции
«Память и время: влияние войн и вооруженных конфликтов XX в.
на российское общество»
(Новороссийск, 13–15 сентября 2016 г.)*

Сыктывкар 2016

УДК 94:342.5:314(470.13)"191/192"(063)

Жеребцов И.Л. **ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ РОССИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.** Материалы к Международной научной конференции «Память и время: влияние войн и вооруженных конфликтов XX в. на российское общество» (Новороссийск, 13–15 сентября 2016 г.). Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2016. 20 с. (Материалы к научным конференциям. Вып. 40).

В работе анализируется отношение жителей Европейского Северо-Востока к органам власти, создававшимся различными политическими силами в период Гражданской войны.

Научный редактор

директор Института социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН д.и.н. Е.Ф. Кринко

Редколлегия

И.Л. Жеребцов (председатель), И.О. Васкул (зам. председателя), Е.А. Цыпанов (зам. председателя), Д.В. Милохин (отв. секретарь), Н.М. Игнатова, В.Н. Карманов, Ю.А. Крашенинникова, Т.Л. Кузнецова, М.А. Мацук, А.Г. Мусанов, А.А. Попов, М.В. Таскаев, Ю.П. Шабаяв

Рецензенты

д.и.н. В.И. Меньковский
д.и.н. О.В. Золотарев

Печатается по решению Коми регионального отделения
Российского исторического общества.

Издание осуществлено при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)».

© Жеребцов И.Л., 2016

© Институт языка, литературы и истории
Коми НЦ УрО РАН, 2016

Период Гражданской войны – один из наиболее важных и трагичных этапов истории, время крутых перемен, надолго определивших дальнейшую судьбу страны, ее регионов, местного населения. Поэтому вполне понятно внимание исследователей к событиям тех лет. Различные аспекты истории Европейского Северо-Востока названного периода анализировались в ряде публикаций [см.: 1–10], однако проблема взаимоотношений власти и общества, отношения местных жителей к органам власти, создававшимся различными политическими силами в период Гражданской войны, исследована не в полной мере [11].

Европейский Северо-Восток – обширный регион, в период Гражданской войны (которая продолжалась здесь с сентября 1918 до лета 1921 г.) населенный, главным образом, коми (зырянами), русскими и ненцами. Для каждого из этих народов были характерны свои исторически сложившиеся территории расселения; относительно многонациональным (смешанным) было только население единственного в регионе города Усть-Сысольска (современный Сыктывкар) [см.: 12–27]. Территория региона была разделена между несколькими уездами и губерниями. Основная часть входила в Печорский (Архангельская губерния), Усть-Сысольский и Яренский (Вологодская, затем Северо-Двинская губерния) уезды, а также в Чердынский (Пермская губерния) и Орловский (Вятская губерния). Территория нынешнего Ненецкого автономного округа составляла значительную часть Печорского уезда. Территория современной Республики Коми была разделена между всеми пятью вышеперечисленными уездами [28–41]. (Вопросам истории этнодемографического развития региона, формирования его населения и административного деления посвящена серия работ [см.: 42–47]).

Советская власть в регионе установилась в первой половине 1918 г., причем большевики первоначально не являлись в уездных и большинстве волостных советов доминирующей политической силой [48–50]. Большевикизация уездных советов в Усть-Сысольском и Яренском уездах произошла в июле – сентябре 1918 г., незадолго до начала военных действий в регионе [51; 52]. В Печорском же уезде большевики прийти к власти не смогли – в августе 1918 г. Печорский уездный совет встал на сторону белого правительства, созданного в Архангельске [53–55].

В годы Гражданской войны Белая армия почти полтора года контролировала северную часть Европейского Северо-Востока (Печорский уезд);

здесь дислоцировались армейские подразделения, была налажена связь с Сибирью и Восточным фронтом, осуществлялись социально-хозяйственные мероприятия восстановленного земства. Во время войны в состав Печорского уезда вошли верхнепечорские волости, до этого входившие в Чердынский уезд Пермской губернии – это было вызвано уходом сибирских белых войск из этого региона и выдвиганием на их места архангельских частей. В итоге Усть-Цилемская уездная земская управа и военная администрация Печорского района Северного фронта белых в 1919–1920 гг. контролировали поистине огромную территорию на Севере России, населенную русскими, коми-зырянками, ненцами и отчасти коми-пермяками. Несколько месяцев (ноябрь 1919 – январь 1920 гг.) штаб Печорского района контролировал также Березовский уезд Тобольской губернии, где были расположены крупные сибирские хлебные запасы. Сообщение с Березовым осуществлялось по Сибиряковскому тракту Усть-Шугор – Саранпауль (Ляпино). В конце Гражданской войны белые попытались объявить на территории Печорского уезда настоящую самоуправляемую Печорскую республику [56].

Население нижней Печоры в годы войны поддерживало в целом белогвардейское сопротивление, активно участвовало в снабжении белой армии транспортом, продовольствием и пр. Об этом достаточно красноречиво свидетельствуют архивные документы. Так, например, 25 декабря 1919 г. Печорская уездная управа сообщала в Архангельск, что «Усть-Цилемская, Пижемская, Галовская, Красноборская, Щельяюрская волости заняты исключительно перевозкой военных грузов Верхнепечорского районов, с трудом обслуживают домашние нужды. Бугаевская волость занята исключительно заготовкой дров для нужд пароходства. Росвинская, Ермицкая, Пустозерская волости лошадей дать могут, но возчиков нет. Население охотно предлагает лошадей с упряжью путем платной реквизиции» [57].

Восстановленное белыми печорское земство занималось в годы войны различными социально-хозяйственными проблемами, прежде всего снабжением населения продовольствием. Осенью 1919 г. белый Архангельск выделил Печорской земской управе свыше 250 тыс. пудов муки. Хлеб завозился в том числе и в тундру, к ненцам. В январе 1920 г. было открыто начальное училище в Росвинской волости. Земство обладало достаточно высоким авторитетом. Даже после падения Северной белогвардейской области на территории современного Ненецкого округа вплоть до 1922 г. продолжалось хождение белогвардейских дензнаков [58].

Абсолютное большинство ненцев фактически не участвовало ни в революции, ни в Гражданской войне. Они стремились уйти от конфликтов в тундру, переждать «черные годы». И красные, и белые стремились использовать оленеводов, прежде всего, как источник дешевого продовольствия (оленьего мяса). Так, советский командующий Печорским краем Мориц Мандельбаум

организовал в тундру зимой 1918–1919 гг. три крупные «мясные экспедиции» (продотряды) для конфискации ненецких оленей для нужд печорского красноармейского отряда. Первые две экспедиции пригнали в советскую Ижму свыше 700 оленей [59].

Белые, утвердившиеся на Печоре, выдавали ненцам мизерный «хлебный паёк». 22 января 1920 г., например, в одном из телеграфных донесений в Архангельск упоминается норма ненецкого хлеба: «самоедам хлеба в месяц – детям 10 фунтов, взрослым 20 фунтов». В начале 1919 г. штаб Печорского района белых ввел должность специального уполномоченного по сбору пожертвований по тундрам, им стал чиновник В.Н. Попов. В Пустозерске уполномоченный собрал около 50 тысяч рублей пожертвований (но неизвестно, у кого – ненцев, русских, коми). Известно также, что в 1919 г. белым было пожертвовано на Печоре оленьё стадо в 1000 голов [60].

Во время войны в низовьях Печоры существовала самоедская управа (в конце апреля – начале мая 1920 г. она была реорганизована в Большеземельский ненецкий уисполком). Самоедские ведомства были также в Усть-Цильме и Колве. Уже после разгрома белых в 1921 г. по печорским тундрам скитался отряд поручика А.А. Рочева, для которого, по словам современников, «каждый оленевод был приютом». Но вряд ли тундровый «приют» значит, что ненцы поддерживали больше белых, чем красных – скорей, они боялись выступать против любой власти, даже белобандитской, особенно если она подкреплена оружием [61].

В южной части региона, к началу Гражданской войны контролировавшихся большевиками, военно-политическое положение было более изменчиво. Конечно, основная масса жителей не была настроена пробольшевистски, но она была равнодушна и к их конкурентам и противникам (левым и правым эсерам, кадетам, меньшевикам и проч.), первоначально игравшим ключевую роль в уездных советах. Это равнодушие сыграло громадную роль в успехе организованных красноармейцами, чекистами и большевиками переворотов в Усть-Сысольске и Яренске и в том, что население не выступило против переворотов, приняло власть большевистских советов, тем более что новые руководители обещали быстро справиться с хозяйственной разрухой [62].

Однако через некоторое время ситуация стала меняться. Начались репрессии. Был расстрелян ряд либеральных деятелей (в их числе оказался и усть-сысонец Л.А. Ленин, паспортом дяди которого, Николая Егоровича Ленина, по некоторым данным, воспользовался в 1902 г. для конспирации В.И. Ульянов, взявший потом эту фамилия для своего псевдонима [63]). Сразу после прихода коммунистов к руководству уездными советами были приняты решения о создании в уездах комитетов деревенской бедноты (комбедов), и несмотря на сопротивление значительной части крестьянства (например, в с. Читаево местные жители на общем собрании 7 августа 1918 г.

отказались от организации комбедов), вскоре они под давлением большевиков появились повсеместно. Функции комбедов быстро вышли далеко за рамки, определенные декретом ВЦИК 11 июня 1918 г. Они стали заниматься организацией хозяйственной жизни деревни, мобилизацией в Красную армию, переделом земли и т.д. Партячейки и комбеды, которые в большинстве вскоре также стали состоять из коммунистов, фактически подменили собой волостные советы, лишив последние всякой власти. Об этом прямо сказал на Северо-Двинской губпартконференции делегат от Усть-Сысольской уездной коммунистической организации Д.Н. Улитин: «Волостные ячейки сразу после своей организации взяли в свои руки всё управление волостью» [64].

Завершением всего этого могло стать полное упразднение советов депутатов как выборных органов власти всего трудового населения – т.е., по сути, ликвидация Советской власти на местах в том виде, в каком она создавалась и в каком была с энтузиазмом воспринята немалой частью населения. 9 ноября 1918 г. VI Чрезвычайный Всероссийский съезд советов принял решение о перевыборах на местах, причем их проведением должны были заниматься комбеды (которые после этого подлежали роспуску). Но перевыборы советов депутатов, осуществлявшиеся под контролем коммунистов и комбедовцев, должны были дать в итоге качественно иные органы власти – советы бедноты [65].

19 декабря 1918 г. газета «Известия Яренского уездного Совета крестьянских депутатов» сообщили: «В уезде приступлено к организации советов бедноты, единого органа Советской власти вместо совдепов и комбедов. Потребность этой единой организации советвласти в деревне сказывалась местами очень остро. Постоянно возникали трения между Советами и комбедами. Советы бедноты явятся тем постоянным и подлинным выразителем бедной... деревни, который будет главной опорой при проведении в жизнь декретов из центра, коренным образом переустраивающим крестьянское хозяйство. Беднота, полупролетарии деревни, в совете бедноты будет его ядром... Тов. коммунистам деревни предстоит большая работа: провести своих верных и твердых людей в совбеды». Итак, в отличие от совдепов, избираемых (по крайней мере, в теории) демократически всем крестьянством, в совбедах основная роль отводилась бедноте. Середнякам (при том, что, по свидетельству той же газеты, «наш крестьянин-середняк где-нибудь в центральных или южных губерниях считался бы настоящим бедняком») обещалось лишь «представительство», причем и эти представители должны были идти «за беднотой» [66].

Агитатор Союза коммун Северной области (Северная коммуна или Северная область – областное объединение советов Петроградской, Псковской, Новгородской, Олонецкой, Вологодской, Архангельской, Северо-Двинской и Череповецкой губерний, созданное в 1918 г.) Уткин принял участие в работе

III съезда Советов Усть-Сысольского уезда (декабрь 1918 г.), где по предложению и настоянию Уткина было принято решение о замене советов депутатов советами бедноты, о начале кампании по выборам в совбеды [67]. В принципе, создание совбедов являлось попыткой использовать относительно популярное слово «советы» для сохранения несколько реформированных в угоду политической конъюнктуре комбедов и для того, чтобы избавиться раз и навсегда от совдепов – этого раздражителя, лишённого власти, но продолжавшего пользоваться определенной популярностью у населения. В документах 1919 г. можно встретить упоминания как о совдепах, так и о совбедах, но попытка ликвидации совдепов в конечном итоге провалилась – вероятно, из-за резко отрицательного отношения населения к этой затее большевистской власти [68].

В условиях начавшейся Гражданской войны осенью 1918 г. власть коммунистов и комбедовцев в Усть-Сысольском и Яренском уездах стала фактически бесконтрольной – по крайней мере, со стороны большей части беспартийного местного населения. А любая бесконтрольная власть развращает обладающих ею людей. Тем сильнее это сказывается тогда, когда они не обладают достаточными политическими и иными знаниями. А это было, к несчастью, характерно для коми коммунистов, причем не только в 1918 г., но и в последующее время. «Большинство волостных ячеек состоят из людей малограмотных, которые не могут вести ни культурно-просветительную, ни агитационную» работу, – говорилось в сводке по партработе Яренского укома РКП(б) за июль 1919 г. [69].

В правящую партию записывались не только искренние сторонники коммунистической идеи, но и карьеристы, а также простые крестьяне, далекие от политики. Оценив сложившуюся осенью 1918 г. обстановку, они поняли, что в условиях беспомощности Советов и всевластия партийных ячеек единственный способ влиять на решения местных властей, иметь какие-то привилегии – это вступление в РКП(б). К этому их порой просто вынуждали обстоятельства. Организатор кажимской ячейки РКП(б) Леушин рассказал на губпартконференции, что поначалу в ячейке состояло шесть человек. Но после того, как поступили сведения, что голодающее население получит хлеб, если в поселке будет крупная парторганизация, сразу же «навербовалась партия в 120 человек, куда вошли спекулянты, купцы и т.п. Я не в силах был с этим бороться», – говорил Леушин. Один из местных руководителей Е.А. Напалков вспоминал, что в селе Керчомья осенью 1918 г. «в партию попал совершенно чуждый элемент, и организация потеряла свой большевистский облик. Во время “красного террора” в партию вошли даже противники Советской власти» [70].

Неудивительно, что уже 3 ноября 1918 г. Яренский уком РКП(б) постановил «произвести чистку рядов партии в городских и волостных ячейках

от негодных для партии элементов». О необходимости тщательного отбора кандидатов в компартию говорилось в резолюции состоявшегося в декабре 1918 г. I Усть-Сысольского уездного съезда РКП(б), весьма красноречиво характеризующей уровень политической грамотности местных большевистских лидеров: «Мы, коммунисты, открывая двери наших райских покоев социального строя, должны быть осмотрительны по отношению к входящим, и прежде чем их допустить, мы должны их к этому приготовить, ...давая им понять, что идея коммунизма – священная идея и что социальный строй – это царство правды, истины, про которое говорит в своем учении великий учитель Иисус» [71].

От местных большевистских лидеров ждали – как до этого от всех предшествовавших руководителей уездов – улучшения жизни. Но обещанное улучшение не наступало. Да и можно ли было добиться каких-нибудь улучшений, если организационная, хозяйственная работа отошла для новых руководителей на задний план. «Деятельность исполкома, – признавал П.И. Покровский, – ...была не столько организационной, сколько политической. Во главу угла комитет партии, т.е. тот же исполком, поставил разделение деревни. Мы тогда в деревне проводили Октябрь... Мы проводили деление деревни беспощадно и бескомпромиссно» [72; 73]. Разделение деревни на два лагеря – прокоммунистический (беднота) и середнячко-зажиточный – большевики провели успешно, а вот с остальным дела у них не ладились. 30 октября 1918 г. устьсысольский уездный продовольственный комиссар Е.М. Мишарин докладывал: «Население Усть-Сысольского уезда голодает. Положение с продовольствием... приняло угрожающие размеры...». В июне 1919 г. на Усть-Сысольском уездном съезде советов крестьянской бедноты делегаты сообщали: «Едим одну кору и опилки, нет даже соломы», «съедаем по 50 пудов коры в день», «умирают от голода дети и взрослые». «Голод грозит довести народ до отчаяния, до нравственного безразличия, до пробуждения зверя», – отмечала газета «Зырянская жизнь» [74; 75].

Отрицательно сказывались на состоянии населения и негативные последствия всевластия большевистских ячеек и комбедов, в деятельности которых наблюдалось немало «перегибов» и злоупотреблений властью (в том числе грабежей и пыток своих односельчан). Вот что услышали в декабре 1918 г. делегаты I Усть-Сысольского уездного съезда РКП(б) от представителя Большелугской парторганизации: «Первоначально ячейка действовала удовлетворительно, но впоследствии некоторые члены во главе с председателем Поповым стали преследовать личные цели и проявлять систематическую форму обирательства граждан, забирая у них, питающихся соломой и разными суррогатами, последние предметы первой необходимости». Делегат от Аныбской волости рассказал съезду эпизод из деятельности своей коммунистической организации: «По слухам, один солдат Аныбской волости Лобанов

привез с военной службы 18000 руб. Ячейка потребовала эти деньги целиком, но Лобанов не хотел дать их добровольно, за что он в виде острастки был опущен в прорубь на непродолжительное время, но не по горло, а только помочил ноги». Керчомские коммунисты во главе с Д.М. Ваддоровым решили в 1918 г. заняться организацией церковной жизни: устроили выборы священника, которым стал член партии, участвовали в церковных песнопениях. Ваддоров по случаю первой годовщины Октября издал специальный приказ о порядке празднования с включением богослужения в церкви, «целодневного звона», церковной панихиды на могилах коммунистов и т.п. Об этом с иронией сообщила даже губернская газета «Борьба бедноты». Далеко не всегда большевики, причем не рядовые, были примером в том, что касалось выполнения решений своего же руководства. Так, побывавшие в Часово петроградские большевики-агитаторы докладывали, что волостной комиссар коммунист Логинов «спрятал хлеб от учета. Но крестьяне нашли, и пришлось его (Логинова. – *Авт.*) арестовать. Это страшно отразилось на крестьянах, которые волновались на собраниях, указывая, что вот вам и коммунист, а хлеб прячет... Были страшно возмущены... Пришлось действовать на них угрозой...» [76].

Трудности с продовольствием, реквизиции вызвали конфликты в деревне. Росло недовольство и сопротивление властям. Но одновременно и власть, почувствовав это, усиливала нажим на деревню, стремясь силой провести в жизнь «генеральную линию». Это не могло не привести к террору с обеих сторон – к террору власти и к террору против власти. «6 сентября в деревне Граддоре Шошкинской волости неизвестными лицами убит крестьянин Арсений Васильевич Сивков. Следственной комиссией по этому делу арестованы 5 человек» («Зырянская жизнь», № 25). «В ночь на 9 сентября в с. Керчомья неизвестными лицами убит секретарь волисполкома Александр Павлович Гичев» («Зырянская жизнь», № 27). 18 сентября «керчомский комитет партии коммунистов-большевиков доносит, ...что следствие об убийстве... А.П. Гичева продолжается. В первое время было арестовано более 20 человек, 3 человека как главные виновники убийства расстреляны на месте (позднее выяснилось, что они Гичева не убивали. – *Авт.*), а двое убежали. Реквизиции и конфискации имущества и лишних вещей продолжаются. Установлен полный порядок». Жители Гарьи в начале сентября решили распустить свой контролировавшийся комбедовцами волостной Совет, утративший их доверие, избрать в Совет новых людей. В ответ на это, сообщила «Зырянская жизнь», «был командирован туда отряд в количестве 40 человек с пулеметами, который восстановил старый состав исполкома»; активистов выступления арестовали. 22 октября в Керчомье во время завязавшейся при реквизиции скота перестрелке крестьянином Самариным был убит дружинник-коммунист Жикин. Керчомская ЧК сообщила: «Вся родня Самарина арестована в числе 21 человек обоего пола. Следствие продолжается и аресты...» Самарин с сы-

ном скрылись в лесу, за ними были отправлены «200 человек, вооруженных чем попало... На рассвете нами отправлен добавочный отряд в 600 человек...» «Самариных настигли в лесу... и на месте расстреляли». В качестве доказательства выполнения задания у одного из убитых отрубили кисть руки и доставили ее в следственную комиссию. «29 октября 1918 года в селе Лозым группа из 5-ти хулиганов ворвалась в дом секретаря исполкома Н. Макарова, намереваясь его убить... Покушавшиеся арестованы» («Зырянская жизнь», № 37). 9 ноября помоздинский волвоенком сообщил в Усть-Сысольск: «В Скородумской волости раскрыт контрреволюционный заговор, направленный открыто на свержение Советской власти. Главари в числе 7 чел. арестованы. Ввиду распутицы, препятствующей препровождению в уезд, может ли местная власть вынести осуждение вплоть до расстрела после произведения следствия?» [77].

В ноябре в с. Кибра (ныне Куратово) был распущен волостной Совет. «Тотчас же было отдано распоряжение отряду красноармейцев, находящемуся недалеко от Кибры, восстановить порядок, что и было сделано. Главари арестованы. Поводом к беспорядкам послужило наложение контрибуций на кулаков, реквизиция лошадей», – доложил уездный военком командующему Котласским районом А.И.Геккеру. 20 декабря уездный военком телеграфировал губернским властям: «В с. Мьелдино собрание кулаков... на сходе постановило удалить весь состав исполкома. Принимаются меры комиссией Чрезвычайкома...» 25 декабря позтыкеросский волвоенком сообщал уездному начальству: «Настроение масс... по волости явно контрреволюционное...»; 22 декабря в с. Позтыкерос «собравшаяся толпа подступила к находящимся в канцелярии волисполкома членам... ячейки коммунистов-большевиков и с криками и угрозами стала вытаскивать всех за волосы и топтать... Потом... приступлено было к перевыборам всего состава волостного Совета», а прежние начальники обратились за помощью к уездным властям [78].

О наиболее ярких эпизодах провинциальной политической жизни сообщала и центральная пресса. «Петроградская правда» 5 марта 1919 г. опубликовала статью И.А. Шергина «Коквицкие “коммунисты”». Комбед деревни Нижние Коквицы обложил в январе 1919 г. чрезвычайным налогом зажиточных крестьян Полугрудова, Паршукова и др. Те отказались платить; вспыхнул конфликт с взаимными угрозами. Оказавшиеся в меньшинстве комбедовцы обратились за помощью в с. Коквицы. На следующий день «в 5-ом часу... в деревню... наехали 139 “коммунистов”, вооруженных винтовками... Все спали... “Коммунисты” ворвались в дом П.Д. Полугрудова», избивали его прикладами. «В дом десятского были согнаны пять человек. Началось истязание. В 200 саженьях от деревни... есть озеро. Туда и погнали “коммунисты” после истязаний несчастных», которые были там расстреляны. «... – Один не умер! – прорычал Окулов (коммунистический активист. – *Авт.*). – Давай-

те еще патроны! – Пока Окулов ходил за патронами, «коммунисты» добились Паршукова штыками...» После расстрела в доме одного из убитых участники акции «потребовали хлеба, масла, молока, ...весело пировали. Окончив “поминки”, коквицкие “коммунисты” принялись за обыски», забрали продукты, деньги, шерсть, кожу, гимнастерку, шинель... [79].

В с. Серегово Яренского уезда часть вступивших в РКП(б) решила в 1919 г. откеститься от коммунистов. Собравшись, они постановили распустить сереговскую ячейку РКП(б) и создать другую партию: «Они (большевики – авт.) идут по программе коммунистов, а мы будем работать по платформе Советской власти». Оппозиционеры даже вывесили объявление: «Желающие, записывайтесь к нам работать». В новую партию перешел и секретарь сереговской ячейки РКП(б). Необычный сереговский плюрализм скоро, впрочем, пресекли уездные власти: организаторов альтернативной партии арестовали [80].

О том, что отношение населения к большевистским властям складывалось в конце 1918–1919 гг. не лучшим образом, честно сообщали и местные политические лидеры. В.А. Савин, возглавлявший устьсысольский уком РКП(б), писал, что авторитет компартии в уезде «в корне» подорван, «а слово “коммунист” стало чуть ли не пугалом для детей». На Северо-Двинской губпартконференции П.И. Покровский сообщил, что в Яренском уезде «средняки почти повсюду в оппозиции к коммунистическим ячейкам», а делегат Кузнецов сказал, что в Усть-Сысольском уезде «крестьянство недоверчиво относится к коммунистам». «Деревня следила за каждым шагом коммунистов, распускала неблыццы о них, словом, травила как инородное тело», – говорилось в докладе яренского укома партии от 19 марта 1919 г. «На деревенских коммунистов население смотрит враждебно» (из отчета яренского укома за май 1919 г.). «Местным коммунистам стало совершенно невозможно подойти к крестьянским массам, и они остаются одиноки» (июль 1919 г.). В результате яренским большевикам оставалось констатировать, что летом 1919 г. «при выборах волостных Советов бедноты проходят беспартийные; [среди] вновь выбранных в волостных Советах нет ни одного коммуниста». «Большинство ячеек... в настоящее время совершенно загнаны в подполье середняками и кулаками, которые их ненавидят из-за прошлых реквизиций и конфискаций», – признавалось в сводке яренского укома РКП(б) за июль 1919 г. [81; 82].

Кризис, который переживали большевистские власти, выразился не только в охлаждении отношения рядовых граждан к лицам, власть придержащим, но и в раздорах между самими коммунистическими жожаками. Яркий пример этого – события в Усть-Сысольске в ноябре 1918 г., когда перепившееся по случаю годовщины Октябрьского переворота большевистское руководство принялось арестовывать друг друга (чудом обошлось без кровопролития). В.И. Сорвачев, один из первых коми коммунистов, так докладывал Северо-Двинскому

губкому РКП(б) по этому поводу: Всё «началось бодителей», местные крестьяне вновь обратили свои взоры на большевиков. Речь, конечно, следует вести не о восторженном приеме победителей, сколько опять-таки о равнодушии большей части жителей региона к судьбе белой власти и об апатии, охватившей народ после трехлетней чехарды разочарований и надежд. Реставрацию красной власти жители приняли к сведению довольно спокойно, хотя и настороженно, памятуя о прошлом. «Настроение масс... в период возвращения красных войск – спокойное», – сообщали из Часовской волости; «...колеблющееся», – информировали из Серегово-Горской. Часть жителей предпочла красным белых и ушла с последними. Примечательно, что среди ушедших были далеко не одни кулаки. Из Жешарта бежали от красных 33 человека, в том числе 25 бедняков, из Межога – 12 человек (9 бедняков) [89].

Население приняло перемену власти, но особого авторитета у Советской власти и большевиков не было. В Прокопьевской волости, по словам местных партийцев, хотя «колеблющиеся бедняки более сочувствуют коммунистам, ... всё же ... ни беднота и ни середняки не примыкают к коммунистам» (а именно коммунистические ячейки, а не безвластные Советы являли собой руководство). Руководители Яренского уезда отмечали в конце 1919 г., что после возвращения красных «первоначальное настроение населения обрисовывали запуганное, теперь атмосфера неясности проясняется, есть симптомы сдвига, которые необходимо использовать в нашу пользу». Но в то же время коммунисты просили вооружить их «потому, что эта неопределенность настроения может быть использована как красными, так и белыми» [90].

Сохранявшиеся трудности со снабжением, политика военного коммунизма, жестокие репрессивные меры против «классового врага» («мы всех негодных, паразитов, саботажников как врагов рабоче-крестьянской власти целыми десятками направляли в наш губернский центр... или в Чека, или прямо на тыловые работы и в концентрационные лагеря», – рапортовал Усть-Сысольский уком РКП(б) Центральному комитету компартии 6 апреля 1920 г. [91]) популярности большевистской власти не добавляли. Яркий пример приведен в воспоминаниях Л. Кокорина. В 1920 г. в деревню, где жили его родители, прибыл продотряд. Продармейцы «забрали почти весь хлебный запас, а заодно – лошадь, два тулупа, три пары валенок... Так поступили и с другими крестьянами». Через месяц появился второй отряд, снова искали хлеб. «Моего деда ...поставили к стенке, заставляя признаться, где спрятан хлеб. Всё это происходило на глазах четверых детей». После этого в деревне еще не раз появлялись продотряды, угрожали расправой. Когда продотрядовцы стали отбирать у крестьян скот, жители оказали сопротивление и выгнали продотряд из деревни. В ноябре 1921 г. председатель Усть-Куломского ревкома докладывал об отношении жителей к органам власти: «Отношение населения было отрицательное, особенно после занятия поповского дома под ревком.

Во время отсутствия членов ревкома в названном доме был произведен разгром: разбили зеркала, лампы, захвачена часть документов...» По делу об этом крестьянском выступлении арестовали чуть ли не сотню людей, шла речь о массовом расстреле, но в конечном итоге для расследования в Усть-Сысольск отправили всего человек десять [92].

Но кризис не привел к отстранению от власти большевиков – вырвать ее из рук последних было некому. Разуверившись во всяких политиках, местное население не выдвинуло из своей среды новых претендентов, готовых занять место руководителей. Не оказалось их в условиях восторжествовавшей большевистской политической системы и за пределами региона.

Источники и литература

1. Сметанин А.Ф. Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН и исторические исследования в Республике Коми. Сыктывкар, 2005.

2. Жеребцов И.Л. Основные итоги исторических исследований Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН в конце XX – начале XXI вв. // *Гуманитарная академическая наука Урала: приоритеты и перспективы исследовательского поиска*. Екатеринбург, 2013. С. 47–55.

3. Васкул И.О., Жеребцов И.Л., Цыпанов Е.А., Шабаев Ю.П. Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН: основные итоги и перспективы исследований за четверть века (1988–2013 годы). Сыктывкар, 2014.

4. Васкул И.О., Жеребцов И.Л., Шабаев Ю.П. Академические археолого-этнографические исследования на Европейском Северо-Востоке в XXI веке // *Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России*. Петрозаводск, 2014. С. 263–266.

5. Жеребцов И.Л., Цыпанов Е.А. Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН в 2001–2013 гг.: основные итоги и перспективы филологических исследований // *Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России*. Петрозаводск, 2014. С. 593–596.

6. Zharebtsov I. L. Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, RAS: the major results and research problems. Syktuykar, 2015.

7. Жеребцов И.Л. Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН // *Поиски и открытия: роль научно-исследовательских институтов в становлении гуманитарного знания*. Казань, 2015. С. 125–135.

8. Васкул И.О., Жеребцов И.Л. Этнографические и археологические исследования Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН в конце XX – начале XXI века // *Поиски и открытия: роль научно-исследовательских институтов в становлении гуманитарного знания*. Казань, 2015. С. 136–141.

9. Попов А.А., Жеребцов И.Л. Прикладное значение академической гуманитарной науки в развитии этнокультурных процессов в Республике Коми // Вклад академической науки в развитие производительных сил Республики Коми. Сыктывкар, 2015. С. 59–67.

10. Попов А.А., Жеребцов И.Л. Роль гуманитарной академической науки в формировании современного этнокультурного комплекса на Российском Севере (на материалах Республики Коми). Сыктывкар, 2011.

11. Таскаев М.В., Жеребцов И.Л. Революция и гражданская война в Коми крае (итоги и задачи изучения) // Историография Коми. Сыктывкар, 1999. С. 48–57.

12. От первобытных стоянок – к городам. Очерки истории заселения Республики Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар, 2014.

13. Этнический фактор в демографическом развитии Республики Коми (середина XIX – начало XXI века). Сыктывкар, 2006.

14. Сельское население Коми в середине XIX – XX вв.: расселение, состав, численность. Сыктывкар, 2005.

15. Жеребцов И.Л. Миграции населения Коми края в период феодализма. Сыктывкар, 1989.

16. Жеребцов И.Л., Королев К.С. Климатический фактор в истории коми. Сыктывкар, 2000.

17. Жеребцов И.Л. Население Коми края в конце XV – начале XX века: численность, миграции, этнический состав. Сыктывкар, 2000.

18. Подоплелов В.П., Фаузер В.В., Жеребцов И.Л. Население Республики Коми на рубеже веков: исторический опыт и перспективы развития // XXI век: взаимодействие языков и культур (бесконфликтное существование). Сыктывкар, 1999. С. 45–52.

19. Жеребцов И.Л. Численность населения Коми края по данным переписей 1916–1918 гг. // Крестьянство Европейского Севера России в XVII–XX вв.: проблемы изучения. Сыктывкар, 1993. С. 54–62.

20. Жеребцов И.Л. Коми компонент в составе населения нижней Вычегды и Немьюги во II половине XVI – начале XVIII века // Генезис и эволюция традиционной культуры коми. Сыктывкар, 1989. С. 8–15.

21. Жеребцов И.Л. Изменения климата и демографические процессы в Коми крае в XV–XVIII вв. // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье. Сыктывкар, 1995. С. 153–159.

22. Жеребцов И.Л. Тысячелетие народа коми: время, климат, человек // Природа. 2000. № 7. С. 71–75.

23. Жеребцов И.Л. Иноязычный этнический компонент в составе населения Коми края в XVI–XVII вв. // Вопросы этнографии народа коми. Сыктывкар, 1985. С. 22–33.

24. Жеребцов И.Л. Внутренние миграции в Коми крае в конце XVI – начале XVII вв. // Проблемы этногенеза народа коми. Сыктывкар, 1985. С. 133–147.

25. Жеребцов И.Л., Жеребцов Л.Н. Антропонимика как источник для изучения миграций и этнического состава населения Коми края (XVI–XVII века). Сыктывкар, 1990.

26. Жеребцов И.Л., Жеребцов Л.Н. Численность населения Коми края в XVI–XVII вв. // Археолого-этнографические аспекты изучения Северного Приуралья. Сыктывкар, 1984. С. 64–76.

27. Рожкин Е.Н., Жеребцов И.Л. Миграции и исторические предпосылки формирования многонационального населения Республики Коми (до начала XX века). Сыктывкар, 2001.

28. История Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар, 2004. Т. 1.

29. Жеребцов И.Л. Коми край в XV–XVIII вв.: административные и этнические границы // Коренные этносы Севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы. Сыктывкар, 2000. С. 301–303.

30. Рожкин Е.Н., Сметанин А.Ф., Жеребцов И.Л. Коми край в XV–XX веках: административно-территориальное деление и этнодемографические процессы. Сыктывкар, 2001.

31. Шабаев Ю.П., Жеребцов И.Л., Журавлев П.В. «Русский Север»: культурные границы и культурные смыслы // Мир России. 2012. № 4. С. 134–153.

32. Фаузер В.В., Жеребцов И.Л. Демографические процессы в Коми в XX веке. Сыктывкар, 2000.

33. История Коми с древнейших времен до современности. Сыктывкар, 2011. Т. 1.

34. Жеребцов И.Л. Коми край в системе административно-территориального деления России (конец XV – начало XX века). Сыктывкар, 1993.

35. Исторический атлас Республики Коми. М., 1997.

36. Безносова Н.П., Жеребцов И.Л. Формирование внешних административных границ Коми автономии в XX веке. Сыктывкар, 2014.

37. Безносова Н.П., Жеребцов И.Л. Формирование административной границы Коми автономии в верховьях Печоры // Историческая демография. 2012. № 2. С. 73–77.

38. Безносова Н.П., Жеребцов И.Л. Установление административной границы на юге и юго-востоке Республики Коми: 1920–1960-е гг. // Историческая демография. 2013. № 1. С. 108–113.

39. Безносова Н.П., Жеребцов И.Л. Формирование северной границы Коми автономии // Историческая демография. 2014. № 2. С. 74–83.

40. Безносова Н.П., Жеребцов И.Л. становление административной границы на юге и юго-востоке Республики Коми: 1920-1960-е годы // Гражданское общество в России. История и современность. СПб., 2009. С. 67–79.

41. Жеребцов И.Л. От уездов – к республике. (К вопросу об административно-территориальном делении Коми в первой половине XX века) // Урал в модернизационной динамике России XX века. Екатеринбург, 2015. С. 97–115.

42. Жеребцов И.Л. Проблемы движения населения Коми края феодального и капиталистического периодов в дореволюционной и советской историографии // Крестьянство Коми края (досоветский период). Сыктывкар, 1986. С. 119–135.

43. Жеребцов И.Л. Общество изучения Коми края и становление историко-демографических исследований на территории Коми АССР // Проблемы историографии Европейского Северо-Востока СССР. Сыктывкар, 1987. С. 67–72.

44. Жеребцов И.Л. Историография историко-демографических исследований в Республике Коми // Историография Коми. Сыктывкар, 1999. С. 4–13.

45. Жеребцов И.Л. Основные итоги этнодемографических исследований в Республике Коми в 1990-е годы // Северные регионы России: социально-экономические, демографические и этнические процессы. Сыктывкар, 2000. С. 60–66.

46. Жеребцов И.Л. Развитие историко-демографических исследований в Республике Коми // Историческая демография. Москва–Сыктывкар, 2007. С. 193–201.

47. Меньковский В.И., Таскаев М.В., Таскаев А.М. Историко-демографические исследования на Европейском Северо-Востоке России. Сыктывкар, 2016.

48. Таскаев М.В. Национальные, партийные и общественные организации Коми края в первой половине XX столетия (дovоенный период) // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов. Сыктывкар, 2005.

49. Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Февральская революция и смена власти в Коми крае // Вопросы социально-политической и социально-экономической истории Республики Коми XX века. Сыктывкар, 1996.

50. Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Первые коми политики. Сыктывкар, 2007.

51. Жеребцов И.Л. Борьба за власть в Коми крае в 1917 – середине 1918 гг. // История Республики Коми: научно-популярные очерки. Сыктывкар, 1996. С. 156–174.

52. Таскаев М.В. Партии и партийность населения в Коми крае в 1917 г. // Национальные отношения в Коми АССР: история и современность. Сыктывкар, 1991.

53. Жеребцов И.Л. Борьба за власть в 1917 – середине 1918 года // Жеребцов И.Л., Сметанин А.Ф. Коми край: очерки о десяти веках истории. Сыктывкар, 2003. С. 210–254.

54. Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Коми национальное движение: от эсеров до наших дней. Сыктывкар, 2016.

55. Жеребцов И.Л. Стоявшие у истоков (коми политические и культурные деятели первых послереволюционных лет) // Жизнь национальностей. 1996. № 4. С. 31–33.

56. Таскаев М.В., Жеребцов И.Л. Коми край в стратегии Северного и Восточного фронтов белых. Сыктывкар, 2006.

57. Таскаев М.В., Жеребцов И.Л. К вопросу о революции и гражданской войне на территории современного Ненецкого автономного округа (1917–1920 гг.) // Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук. Сыктывкар–Вологда, 2012. Вып. 12. С. 265–272.

58. Таскаев М.В. Европейский Северо-Восток Российской империи в начале XX столетия. Очерки политической истории. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2012.

59. Таскаев М.В., Жеребцов И.Л. Коми край в годы гражданской войны: хроника событий (август 1918 – осень 1921 гг.) // Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук. Сыктывкар–Вологда, 2012. Вып. 11. С. 140–187.

60. Таскаев М.В. Небольшевистские партии и белая армия в Коми крае (1917–1920 гг.). Сыктывкар, 2000.

61. Таскаев М.В. Социально-политические процессы на Европейском Северо-Востоке России (1901 – первая половина 1930-х гг.). Екатеринбург, 2011.

62. Жеребцов И.Л. Время безумцев // Коми – край далекий и близкий. Сыктывкар, 2001. С. 182–201.

63. Связь времен. Сыктывкар, 2000. С. 263.

64. Жеребцов И.Л. Отношение населения Коми края к власти в 1918 – начале 1920-х годов // Отечественная история. 1994. № 6. С. 65–73.

65. Таскаев М.В., Жеребцов И.Л. Основные этапы борьбы за власть в Коми крае в 1917–1921 гг. // Российская государственность: уровни власти. Историческая динамика. Ижевск, 2001. С. 229–237.

66. Известия Яренского уездного Совета крестьянских депутатов. 1918. 19 дек.

67. Таскаев М.В., Жеребцов И.Л. Коми край в составе Северной Коммуны (июнь 1918 – февраль 1919 г.). Сыктывкар, 2006.

68. Жеребцов И.Л. Черные годы // Памятники Отечества. М., 1996. № 36. С. 176–182.

69. Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Коми край в годы гражданской войны: население и власть. Сыктывкар, 1994.

70. Жеребцов И.Л. Коми край в годы гражданской войны // История Республики Коми. Сыктывкар, 1996. С. 175–194.
71. Жеребцов И.Л. Народ и власть. (Коми край в период революции и гражданской войны) // Родники пармы. Сыктывкар, 1996. Вып. IV. С. 91–127.
72. Жеребцов И.Л. Звезда вместо креста // Родники пармы. Сыктывкар, 2000. Вып. 5. С. 84–100.
73. Жеребцов И.Л. Братья // Связь времен. Сыктывкар, 2000. С. 274.
74. Зырянская жизнь. 1919. 28 июня.
75. Жеребцов И.Л. Мишарин Ефим Михайлович // «Памятуя лишь о благе и пользе России...»: представители Коми края в российском парламенте. Сыктывкар, 2014. С. 40–41.
76. Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Отношение населения к власти в Коми крае (1917 – начало 1920-х годов). Сыктывкар, 2006.
77. Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Черные годы. Революция и гражданская война в Коми крае. Сыктывкар, 2001.
78. История Коми с древнейших времен до современности. Сыктывкар, 2011. Т. 2.
79. Жеребцов И.Л., Савельева Э.А., Сметанин А.Ф. История Республики Коми. Сыктывкар, 1996.
80. Жеребцов И.Л. В годы гражданской войны // Жеребцов И.Л., Сметанин А.Ф. Коми край: очерки о десяти веках истории. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2003. С. 255–276.
81. Жеребцов И.Л., Сметанин А.Ф. Коми край. Очерки о десяти веках истории. Сыктывкар, 2003.
82. Жеребцов И.Л. Сорвачев Василий Иванович // «Памятуя лишь о благе и пользе России...»: представители Коми края в российском парламенте. Сыктывкар, 2014. С. 47.
83. Жеребцов И.Л., Сметанин А.Ф. Коми край: Очерки о десяти веках истории. Сыктывкар, 2003.
84. История Республики Коми. М., 2000.
85. Таскаев М.В., Жеребцов И.Л. Крашенные: Страницы истории гражданской войны в Коми крае. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2000.
86. Жеребцов И.Л. Юркин Василий Петрович // «Памятуя лишь о благе и пользе России...»: представители Коми края в российском парламенте. Сыктывкар, 2014. С. 49–50.
87. История Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар, 2004. Т. 2.
88. Очерки по истории политических репрессий в Коми. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2006.

89. Таскаев М.В., Жеребцов И.Л. Репрессии белых и красных на Печоре в годы Гражданской войны // История и перспективы развития северных регионов России: роль ГУЛАГа мемориальная деятельность. Сыктывкар, 2011. Ч. 1. С. 89–95.

90. История родного края. Сыктывкар, 1994.

91. Таскаев М.В., Жеребцов И.Л. Сказание о земле Сыктывдинской. Вильгорт, 2006.

92. Жеребцов И.Л. Время безумцев // Коми – край далекий и близкий. 2-е изд. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2002. С. 170–189.

Научное издание.

Жеребцов Игорь Любомирович

**ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ
РОССИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ**

*Материалы к Международной научной конференции
«Память и время: влияние войн и вооруженных конфликтов XX в.
на российское общество» (Новороссийск, 13–15 сентября 2016 г.)*

Оригинал-макет – Н.К. Забоева

Компьютерный набор. Формат 60 x 90 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 1,25. Уч.-изд. л. 1,23. Тираж 300. Заказ № 88.

Редакционно-издательский отдел
Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.
167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26.